



Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе южнокорейской писательницы Хан Ган «Человеческие поступки»

Д. В. Ситникова¹, Н. В. Соболева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹dariastn@outlook.com

²saybl@list.ru

Аннотация. Исторические события часто являются темой художественных произведений. Цель данного исследования – анализ способов репрезентации исторического события, а именно, Народного восстания в Кванчжу 1980 года, в романе современной южнокорейской писательницы Хан Ган «Человеческие поступки». В исследовании используются метод сравнительно-исторического анализа, семиотический и интерпретационный методы. Выявлено, что главными особенностями романа являются: фокус не на масштабе события, а на личности, детальное описание человеческих страданий, переплетение воспоминаний свидетелей восстания с художественным вымыслом, стремление автора дать голос погибшим и пострадавшим во время восстания.

Ключевые слова: корейская литература, современная корейская литература, современный корейский роман, восстание в Кванчжу, историческая память, Хан Ган, «Человеческие поступки»

Для цитирования: Ситникова Д. В., Соболева Н. В. Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе Хан Ган «Человеческие поступки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 132–139.

Original article

Feature of the Depiction of the Kwangju Uprising in Han Kang's Novel "Human Acts"

Daria V. Sitnikova¹, Nadezhda V. Soboleva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

¹dariastn@outlook.com

²saybl@list.ru

Abstract. Historical events are a frequent theme in works of fiction. The purpose of this study is to analyse the ways of representation of a historical event, namely the 1980 Gwangju People's Uprising, in the novel Human Acts by the contemporary South Korean writer Han Gang. The method of comparative-historical analysis, semiotic and interpretive methods are used to fulfil the purpose. The study revealed that the main features of the novel are: the focus not on the scale of the event but on the individual, the detailed description of human suffering, the interweaving of the memories of witnesses of the uprising with fiction, the author's desire to give a voice to those who died and suffered during the uprising.

Keywords: Korean literature, contemporary Korean literature, contemporary Korean novel, Kwangju Uprising, historic memory, Han Kang, "Human Acts"

For citation: Sitnikova, D. V., Soboleva, N. V. (2025). Feature of the depiction of the Kwangju Uprising in Han Kang's novel "Human Acts". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (904), 132–139. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к историческим событиям нередко встречается в художественной литературе. Авторы могут по-разному подходить к репрезентации исторической действительности в литературе, отображая события с разными пропорциями достоверности и вымысла. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- выявить и проанализировать способы включения исторических фактов и свидетельств в художественный текст – для этого был использован метод сравнительно-исторического анализа;
- определить художественные приемы, с помощью которых осуществляется репрезентация исторического события и передача травматического опыта его участников – для этого используются семиотический метод анализа символики и образов романа и интерпретационный метод.

Актуальность исследования обусловлена интересом к проблемам репрезентации истории в литературе, а также возрастающим интересом к поэтике и проблематике современного корейского романа. Тенденции, связанные с этим интересом, находят отражение в ряде научных исследований, в том числе статье «Особенности содержания южнокорейской прозы о Корейской войне (1950–1953) как отражение коллективной памяти» [Мосейчук, Солдатова, 2021], статье «Новое в темах и героях в современной южнокорейской литературе (конец XX – начало XXI века)» [Цой, 2021], а также в коллективной монографии «Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура» [Модернизация Кореи ... 2022, с. 303–350]. Исследование также имеет междисциплинарный потенциал, поскольку в нем рассматривается отражение в литературе исторического события, а также темы травмы и коллективной памяти.

Новизна заключается в комплексном подходе к анализу романа Хан Ган «Человеческие поступки», который еще не вошел в литературоведческий обиход. Его исследованию, особенно в отечественной гуманитарной науке, посвящено не так много работ.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в преподавании курсов по литературе, в частности, преподавания современной литературы Кореи.

В литературе существуют разные подходы к репрезентации исторических событий, но разнятся они и в исторической науке. Например, представители направления нарративной философии истории полагают, что «любой вариант репрезентации

случившегося, даже полностью отвечающий дисциплинарным и институциональным требованиям, а потому ценный и убедительный (для кого-то), в целом неизбежно оказывается одним в ряду многих» в то время как «использование субъективного отношения к истории позволяет "схватить" прошлое и прошедшее как совокупность живых, аутентичных, а не застывших событий» [Мороз, 2013, с. 78].

В контексте художественной литературы можно сказать, что строгое следование историческим фактам и научному представлению об истории не столь важно, сколько создание при помощи художественного языка яркого образа, способного передать сущность события. «Большая часть литературоведов сходится во мнении, что проблема исторического правдоподобия не может быть решена в художественном произведении путем точного следования факту. Степень объективности исторического анализа зависит в первую очередь от места и функции истории в авторской концепции романа. Таким образом, разграничение арсенала документальных и художественных элементов в тексте не может быть критерием, согласно которому этот текст следует относить к документальной или художественной сфере, поскольку зачастую именно факт, преобразованный романной реальностью, становится более семантически значимым, чем сама историческая достоверность этого факта. В качестве альтернативы достоверности или вымысла романист предлагает читателю не более чем одну известную историю, но историю *пере-открытую* и *пре-образованную* магией художественного слова. Таким образом, получается, что писатель, который берет за основу своего произведения историческую тему, далеко не всегда ставит перед собой цель рассказать читателю о чем-то до этого неизведанном, но, скорее, помочь увидеть по-новому ставшее давно известным и привычным» [Соболева, 2011, с. 10–11].

О РОМАНЕ

Южнокорейская писательница Хан Ган (род. 1970) в романе «Человеческие поступки», посвященном Народному восстанию в Кванчжу 1980 года, тоже применяет к описанию событий субъективный подход.

Народное восстание в Кванчжу продолжалось с 18 по 27 мая 1980 года и было вызвано недовольством населения по отношению к военным во главе с Чон Духваном, пришедшим к власти в ходе военного переворота 1979 года. Против военной диктатуры выступали разные слои населения в разных частях страны, но вскоре военные распространили военное положение на всю страну,

чтобы полностью захватить власть. При этом протесты в Кванчжу не прекращались. Вооружившиеся демонстранты сохраняли контроль над городом до 27 мая, когда в 3 часа утра в Кванчжу вошли войска, которые в ходе карательной операции расправились с ополченцами. В ходе операции было убито и ранено множество горожан [Тихонов, Кан, 2011].

Несмотря на то, что сейчас восстание в Кванчжу считается своего рода символом борьбы за демократию, достоверная информация о причинах и ходе восстания долгое время была неизвестна большей части населения страны. До конца президентства Чон Духвана власти прикладывали усилия, чтобы сформировать негативный облик восставших. Восстание часто называли вооруженным мятежом или бунтом, а восставших – бандитами. Только в 1987 году благодаря Демократическому движению 10 июня, необходимость пересмотреть отношение к событиям в Кванчжу была признана на правительственном уровне. Были восстановлены честь и достоинство погибших участников восстания, выжившим участникам и родственникам погибших были выплачены компенсации [Ким, 2021]. Впоследствии это важное для Республики Корея событие было неоднократно освещено в литературе и кинематографе. О нем повествует и роман Хан Ган «Человеческие поступки».

Писательница берет за основу реальное историческое событие и включает в роман элементы биографий участников и свидетелей восстания, в частности, образ главного героя базируется на истории одного из участников и воспоминаниях его близких о нем. Отдельные части судеб героев также соответствуют сведениям о восставших. В то же время исторические сведения в романе переплетаются с художественным вымыслом и даже элементами обращения к духовному и сверхъестественному, например, в эпизоде, где персонажи после смерти становятся духами.

В корейской культуре распространено представление о том, что после смерти люди становятся духами. В частности, когда речь идет о внезапной смерти, особенно в юном возрасте, считается, что душа такого человека останется бродить по земле, поскольку некому провести обряд подношения его духу, как это принято делать для духов предков [Baker, 2008]. Поэтому подобное описание того, что происходит с персонажами после смерти, не выбивается из традиционной для корейской культуры картины мира, и, вероятно, по этой же причине автор никак не дает дополнительных объяснений этому эпизоду.

В качестве основной темы и основной задачи романа «Человеческие поступки» можно выделить сохранение и передачу памяти о восстании. При этом писательница фокусируется не на масштабе

события, а на личности: вместо того, чтобы перечислять исторические факты или разъяснять читателю ход событий, автор описывает переживания и страдания героев. Название романа тоже подчеркивает, что в центре авторской концепции находится образ погибшего мальчика и память о нем и его жертве. Несмотря на то, что на русском языке роман был опубликован под названием «Человеческие поступки», а на английском – под названием «Human Acts», его оригинальное название – «소년이 온다» – может быть переведено на русский как «Мальчик идет» или «Мальчик приходит». Это название включает в себе одну из основных идей произведения: сохранение памяти о пострадавших в восстании в образе невинно погибшего подростка.

Отличительной особенностью творчества Хан Ган является исследование тем протеста и сопротивления насилию. В частности, в «Человеческих поступках» раскрывается тема человеческой стойкости, сохранения чести и достоинства перед лицом насилия, рассматривается след, который пытки и насилие со стороны военного режима оставили на жизнях пострадавших от него. Именно человеческие страдания в романе описаны наиболее детально и приближенно к реальности, что производит на читателя неизгладимое впечатление и в полной мере передает трагедию людей, выступивших против режима. В своем творчестве писательница уделяет особое место телесности и взаимосвязи тела и личности человека. Многие ее произведения содержат подробные описания трансформаций, происходящих с телом, в случае «Человеческих поступков» можно говорить о трансформациях, происходящих с человеком и его телом после смерти. Реалистичность и физиологичность описания страданий, насилия, тел погибших – это не просто художественный прием, придающий роману выразительность, но его отдельная тема, отличающая «Человеческие поступки» от других художественных произведений, посвященных восстанию в Кванчжу.

Город Кванчжу является важным местом для Хан Ган: там она родилась и провела первые десять лет своей жизни. В начале 1980 года, за несколько месяцев до восстания, ее семья переехала в Сеул. В эпилоге романа писательница рассказывает о том, как впервые узнала о событиях в Кванчжу – из обрывков разговоров взрослых. Там же она рассказывает о том, как узнала о погибшем во время восстания Тонхо – главном герое своего романа. Вымышленные события в романе сочетаются с описаниями, соответствующими настоящим показаниям свидетелей и выживших: например, в основу истории одной из героинь легла реальная история молодой девушки, которая в последнюю ночь восстания разъезжала по городу с громкоговорителем,

умоляя жителей выйти на улицы, чтобы продолжить протест против военного режима [Choi, 2013]. Память о восстании в романе сохранена в воспоминаниях героев, переплетенных с их повседневной жизнью.

Субъективность отражения событий можно связать с задачей, поставленной автором, – дать голос погибшим и пострадавшим, рассказать об их личной трагедии. Чо Сонхи сравнивает «Человеческие поступки» с художественной литературой, посвященной Холокосту, и выделяет в романе черты, объединяющие его с другими произведениями, рассказывающими о судьбах людей, столкнувшихся с крайней степенью насилия. В исследовании выделяются такие темы, как невозможность засвидетельствовать случившееся, поскольку боль, будучи субъективным опытом человека, ее испытавшего, не может быть объективно оценена и измерена, потому ее тяжело выразить словами. В то же время боль и травма навсегда остаются с тем, кто был подвергнут насилию. В «Человеческих поступках» духи погибших продолжают испытывать мучения даже после смерти. По мнению автора исследования, всех персонажей романа объединяет чувство обиды и справедливого гнева по отношению к своим обидчикам, которые остались безнаказанными, и вытекающее из этого чувства требование объяснений и справедливости [조성희, 2018].

Стремление рассказать о судьбе героев – участников событий и дать им право голоса раскрывается в структуре романа. «Человеческие поступки» состоят из шести глав, каждая из которых рассказывает о судьбе одного из персонажей, и эпилога. Герои романа являют собой собирательные образы участников восстания, которые на протяжении всей дальнейшей жизни вынуждены бороться с травмой пережитого, и в то же время они олицетворяют слои населения – интеллигенцию, студентов, участников рабочего движения – сопротивляющихся диктаторскому режиму, протестующих каждый по-своему. И, наконец, как признается сама писательница, для нее Кванчжу – это «не имя собственное, а имя нарицательное, выражающее ожесточенную борьбу между человеческой жестокостью и насилием и человеческим же достоинством» («광주는 특정한 고유명사가 아니라 인간의 폭력과 존엄이 치열하게 맞붙은 보통명사로 존재한다»)¹.

ПЕРСОНАЖИ РОМАНА

В центре повествования первых двух глав – главный герой, ученик средней школы Тонхо, и его

погибший в самом начале восстания друг Чондэ. Вдвоем они олицетворяют связь между все еще живыми, преисполненными чувством долга и вины, и мертвыми, духи которых страдают от боли и одиночества. В поисках друга, которого Тонхо потерял в хаосе первого дня восстания, мальчик оказывается в здании школы, где тела погибших собирают для опознания, и остается помогать. Тонхо служит своего рода проводником, связующим звеном как между живыми и мертвыми, которых он готовит к отправлению в последний путь, так и между остальными персонажами романа, в воспоминаниях которых он будет появляться даже спустя годы после собственной смерти в последний день восстания.

В качестве отдельного персонажа в первых двух главах выступает толпа. Образ толпы в романе принимает разные формы: от толпы из сотен тысяч людей, которая «бурлила, как огромная волна, заполонив собой все свободное пространство улиц»² (с. 20), до заполонивших весь зал в здании школы мертвецов, которые похожи на «толпу людей, договорившихся собраться в этом месте» (*там же*). Сваленные вместе тела погибших тоже превращаются в «труп огромного чудовища с несколькими десятками ног» (с. 49). Противопоставляются друг другу как шумная толпа протестующих и безмолвная толпа погибших, так и жители Кванчжу и безликие представители власти. Позднее, в третьей главе, автор продолжает размышлять на эту тему, «цитируя» предисловие к книге по психологии толпы, над изданием которой работает одна из героинь: «До сих пор еще неясно, что является решающим фактором, управляющим нравственностью толпы. Интересно, что уровень нравственности отдельного человека отличается от переживаний морально-этического характера индивидуумов, образующих толпу. Одна толпа не может устоять перед соблазном мародерства, убийства и насилия, в то время как другая толпа может отличаться высоким уровнем храбрости и альтруизма, которого отдельному индивидууму не достичь. Это не означает, что толпа второго типа состоит из особо благородных индивидуумов – скорее, благородство, заложенное в природе человека, может порождаться общей силой толпы. Аналогичным образом в толпах первого типа низменные склонности усиливаются не особым варварством отдельных типов, а тем, что варварство, присущее человеку изначально, в толпе проявляется сильнее» (с. 98).

Размышляя о единении людей в толпе и чувстве общности, Хан Ган затрагивает и тему одиночества человека перед лицом насилия и репрессивного режима. После смерти друга главного героя

¹박길자. 열세 살 때 본 오월광주 사진첩이 나의 문학 결정 – 여성신문: URL: <https://www.womennews.co.kr/news/articleView.html?idxno=94027> (дата обращения: 21.09.2025).

²Зд. и далее цитируется по изданию: Хан Хан. Человеческие поступки: [роман] / Хан Хан; [перевод с корейского Ли Сан Юн]. Москва: Издательство АСИ, 2020.

Чондэ становится духом, витающим возле своего тела, и остается совсем один. «Пусть много духов витает где-то здесь поблизости, но я не мог увидеть или почувствовать ни одного. Оказывается, выражение типа "встретимся на том свете" не имеет никакого смысла» (с. 47). В то время как сложенные вместе тела погибших будто превращаются в один организм, духи их остаются в полном одиночестве, направляя все свои усилия на то, чтобы коснуться друг друга, подобно тому, как пережившие травму люди могут чувствовать себя изолированными. Точно так же страх, в том числе страх перед насилием военного режима, изолирует людей и в некоторых случаях даже настраивает друг против друга: так из-за страха на улицы со временем выходит все меньше и меньше людей, а подвергнутые пыткам участники восстания становятся озлобленными друг на друга.

Следующая, третья глава рассказывает о жизни Ынсука, героини, которая, будучи ученицей старшей школы, как и Тонхо, трудилась в здании школы, где собирали тела. Ей удалось остаться в живых, но пережитое оставило на ее душе незаживающий шрам. В главе ясно показывается, как героиню мучает чувство вины выжившего, о чем говорится как напрямую, так и иносказательно.

Особенно отчетливо видно, как травма повлияла на жизнь героини, на контрасте с героиней по имени мисс Пак, она – полная противоположность Ынсуку и в то же время олицетворение того, кем могла быть девушка, если бы не травматичный опыт, который не дает ей двигаться дальше. Когда Ынсук впервые появляется в первой главе романа, на ней – школьная форма. Теперь, когда героиня не пользуется косметикой, не носит яркой одежды или туфель на каблуках, не занимается ничем, кроме работы, в повествовании появляется мисс Пак «в темно-синем полупальто, похожем на школьную форму женской гимназии». В отличие от Ынсука, мисс Пак – «любимица коллектива», на которую нельзя смотреть без улыбки: «С лица главного редактора издательства, радостно встретившего девушку, быстро слетела улыбка, когда его глаза наткнулись на глаза Ынсука, сидевшей над рукописью и поднявшей голову при появлении гостя» (с. 72). Однако Ынсук, как бы ни старалась, не может быть такой же общительной и улыбчивой: «Она попыталась улыбнуться так же, как мисс Пак, но боль не позволила ей этого сделать, и она отвернула голову, чтобы директор не увидел ее опухшую щеку» (с. 75).

Помимо жизни Ынсука, которая будто бы навсегда застыла в дне жестокого подавления восстания, в третьей главе описана повседневность писателей, переводчиков, редакторов, которые, несмотря на жесткую цензуру, продолжают искать и находить способы говорить о том, что считают важным.

В конце 80-х годов XX века, когда правда о восстании в Кванчжу стала широко известна, для южнокорейских писателей особенно острым был этический вопрос о вине и ответственности за случившееся, распространена была точка зрения, по которой виновен был даже тот, кто хранит молчание о случившемся и не стремится узнавать о произошедшем [Ем, 2021].

Четвертая глава посвящена Чинсу, студенту, который занимался помощью раненым, учетом тел погибших и организацией похорон, а в ночь, когда в город вошли военные, не покинул Управление провинции и попал в тюрьму, где вместе с другими арестованными подвергся пыткам. Его история рисует настоящий образ «вооруженных экстремистов», устроивших восстание: студентов и школьников, которые получили оружие, но даже не умели стрелять. Один из них не мог поверить, что оружие действительно может выстрелить, поэтому «вышел во внутренний двор, выстрелил в небо и вернулся назад» (с. 115). Единственной их целью было продержаться до утра, в надежде, что тогда на площадь выйдут другие жители города и продолжат протест. Никто из вооруженных молодых людей не желал применять насилие. Товарищ Чинсу, выступающий рассказчиком в этой главе, вспоминает: «Нет, никто из нас не стрелял. Никто никого не убил. Даже видя, как из темноты по лестнице поднимаются солдаты, как они подходят к нам, никто из нашего отряда не нажал на спусковой крючок. Никто не смог выпустить пулю, зная, что она убьет человека» (с. 119–120). Этот образ контрастирует с тем, как восставших в свое время описывали власти, называвшие восстание вооруженным мятежом, а восставших – бандитами [Тихонов, Кан, 2011].

В отличие от восставших, военные не боятся выстрелить. Выданных им патронов было в два раза больше, чем жителей города, и хватило бы на то, чтобы «всадить в тело каждого по две пули». После ареста восставшие были подвергнуты жестоким пыткам, таким, чтобы «жертва страдала сильнее, чем при обычном избииении, но при этом чтобы сами палачи физически не напрягались». Автор показывает, как перед лицом насилия даже готовые пожертвовать своей жизнью люди теряют чувство собственного достоинства и превращаются в готовых наброситься друг на друга из-за одной рисинки зверей и бездушный скот. Рассказчик несколько раз упоминает, что в то время чувствовал себя куском мяса, и размышляет о том, что даже смерть может быть лучше унижения пытки.

Пятую главу, посвященную героине по имени Сончжу, можно назвать кульминационной. Девушка – старшая из героев романа. Прежде чем присоединиться к восставшим, она работала на

фабрике и принимала участие в рабочем движении. В ночь, когда военные вошли в город, Сончжу была арестована и, как и Чинсу, подверглась пыткам. События пятой главы разворачиваются спустя много лет после восстания, но героиня не может отпустить прошлое. Один исследователь просит ее рассказать о своем участии в восстании, чтобы включить ее свидетельство в свою научную работу. Он уже обращался к ней десять лет назад, но тогда Сончжу отказалась. В этот раз он прислал ей диктофон, на который она может записать свою историю.

Сончжу предстоит записать свое свидетельство, но она не может решиться. Рассказывать о своем травматичном опыте – всё равно что пережить его заново. Да и как можно выразить произошедшее с ней словами? «Каким бы мог получиться рассказ, если в сплетение непринужденных выражений и сухих фраз были бы вставлены бессловесные нити, узелки напряженного покашливания и замешательства?» (с. 155). Можно ли засвидетельствовать те ужасы, которым ее подвергли, и то, какой след они оставили на ее жизни?

Свидетельство, с одной стороны, необходимо, для того чтобы пролить свет на жестокость военного режима, и для того, чтобы избавиться от груза прошлого. «Я бы на твоём месте не стала ничего скрывать. Я бы не стала тратить оставшуюся жизнь на то, чтобы ограждать себя от прошлого» (с. 166), – советует Сончжу знакомая. С другой стороны, свидетельство невозможно по многим причинам: во-первых, сам процесс является для нее, как и для любой жертвы насилия, слишком болезненным, во-вторых, навсегда изменивший ее жизнь опыт не поддается обычному описанию словами. Следует отметить, что свидетельство является важным элементом литературы, имеющей дело с описанием травматичного опыта. Вопрос невозможности и в то же время необходимости свидетельства или дачи показаний о подобном опыте поднимает в своем исследовании и Чо Сонхи, сравнивая роман Хан Ган с литературой, посвященной Холокосту [조성희, 2018].

Наконец, в последней, шестой главе на примере истории матери Тонхо рассказывается о жизни тех, кто потерял своих родных и близких во время восстания. Даже не будучи непосредственными участниками, они стали жертвами режима и также

переживают травму от случившегося. Мать мальчика даже спустя многие годы как будто бы снова и снова проживает день трагедии и не может до конца поверить в смерть своего сына: «Не может быть, что я своими руками закопала тебя» (с. 185). Ее и других персонажей переполняет чувство вины. «Ты погиб не по его вине, но почему он поседел раньше всех своих друзей, почему так рано согнулись его плечи?» (с. 186) – думает она об одном из старших братьев Тонхо. В то же время общая трагедия объединила родителей детей, погибших во время восстания. Основав Общество семей погибших, они сами стали выходить на протесты. Несмотря на внутреннюю опустошенность, они смогли обрести чувство общности: «Каждый раз, расходясь по домам, мы пожимали руки и поглаживали друг друга по плечу и, заглядывая в глаза, обещали встретиться снова» (с. 194–195).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы литературных произведений, обращаясь к историческим событиям, зачастую не стремятся к их достоверной передаче. Следование факту не является обязательным критерием для подобных произведений, напротив, преображая исторические факты, автор раскрывает историческое событие с новой стороны, предоставляя читателю возможность увидеть привычное в новых, более ярких красках.

В романе Хан Ган «Человеческие поступки» биография главного героя и воспоминания о нем его близких, рассказы участников и свидетелей событий и исторические факты переплетаются с художественным вымыслом, формируя яркий образ исторического события. Персонажи «Человеческих поступков» представляют собой собираемые образы пострадавших от жестокости военного режима. Образ главного героя, Тонхо, собран из частичек воспоминаний выживших о нем, в то же время история мальчика является воплощением боли тех, кто не может высказаться о ней лично. Раскрывая историческое событие через субъективный опыт его участников и осмысление их травмы, в своем романе Хан Ган дает погибшим и пострадавшим голос, чтобы рассказать об их личной трагедии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мосейчук Д. В., Солдатова М. В. Особенности содержания южнокорейской прозы о Корейской войне (1950–1953) как отражение коллективной памяти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1 (843). С. 173–191.
2. Цой И. В. Новое в темах и героях в современной южнокорейской литературе (конец XX – начало XXI века) // Россия – Корея – СНГ: труды XXI Международной конференции по науке и технологиям, Москва, 26–28 августа 2021 г. Новосибирск, 2021. С. 319–324.

3. Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография / отв. ред. Р. К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022.
4. Мороз О. В. «Субъективный исторический опыт» как способ мыслить: частный случай современной российской литературы // Артикульт. 2013. №11 (2). С. 77–83.
5. Соболева Н. В. Специфика жанра романа в творчестве Маргерит Юрсенар: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
6. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. М.: Наталис, 2011. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905–1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945–1992 гг. (Кан Мангиль) / ред., пер. с корейского Т. М. Симбирцевой; под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41).
7. Ким Н. Н. Как в Южной Кореи вспоминают восстание в Кванчжу 18 мая 1980 года: политические коллизии вокруг практик коммеморации в XXI веке // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 148–161.
8. Baker D. Korean Spirituality. University of Hawai'i Press, 2008.
9. Choi Sh. Pritesting Identity: Memories of the Kwangju Uprising and Effects on Identity Formation of Youths // Educational Perspectives. 2013. Vol. 46. No. 1–2. P. 9–19.
10. 조성희. 한강의 『소년이 온다』와 홀로코스트 문학 – 고통과 치욕의 증언과 원한의 윤리를 중심으로 // 세계문학비교연구. 2018. № 62. P. 5–28. = Чо Сонхи. «Человеческие поступки» Хан Ган и литература Холокоста – свидетельство о страдании и унижении и этика мести // Сравнительные исследования мировой литературы. 2018. № 62. С. 5–28.
11. Em H. Conferring Eloquence: Suicide and Martyrdom in Korean History // Korean Journal. 2021. Vol. 61. No. 2. P. 313–336.

REFERENCES

1. Mosyachuk, D. V., Soldatova, M. V. (2021). Osobennosti soderzhaniya yuzhnokoreyskoy prozy o Koreyskoy voine (1950–1953) kak otrazhenie kollektivnoy pamyati = Features of the Content of South Korean Prose About the Korean War (1950–1953) as a Reflection of Collective Memory. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(843), 173–191. (In Russ.)
2. Tsoi, I. V. (2021). Novoye v temakh i geroyakh v sovremennoy Yuzhnokoreyskoy literature (konets XX – nachalo XXI veka) = New Trends in Themes and Characters in Contemporary South Korean Literature (Late 20th – Early 21st Century). In Russia – Korea – CIS (pp. 319–324): XXI International Conference on Science and Technology, Moscow, August 26–28, 2021. Novosibirsk. (In Russ.)
3. Tangalycheva, R. K. (Ed.). (2022). Modernizatsiya Korei: politika, ekonomika, obshchestvo, kul'tura = Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture: a collective monograph. Moscow: VTSIOM. (In Russ.)
4. Moroz, O. V. (2013). Subektivnyy istoricheskiy opyt kak sposob myslit': chastnyy sluchay sovremennoy rossiyskoy literature = Subjective historical experience as a way of thinking: A case study of contemporary Russian literature. Articult, 11(2), 77–83. (In Russ.)
5. Soboleva, N. V. (2011). Spetsifika zhanra romana v tvorchestve Marguerite Yourcenar = The specificity of the novel genre in the works of Marguerite Yourcenar: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Tikhonov, V. M., Kan, M. (2011). Istoriya Korei = History of Korea (vol. 2: The 20th century): in 2 vols. Translated from Korean by T. M. Simbirtseva, edited by V. M. Tikhonov. Moscow: Natalis. (In Russ.)
7. Kim, N. N. (2021). Kak v Yuzhnoy Koree vspominayut vosstanie v Kvanchzhu 18 maya 1980 goda: politicheskie kolizii vokrug praktik kommemoratsii v XXI veke = How South Korea commemorates the Gwangju Uprising of May 18, 1980: Political controversies surrounding commemoration practices in the 21st century. Novaya i noveishaya istoriya, 2, 148–161. (In Russ.)
8. Baker, D. (2008). Korean Spirituality. University of Hawai'i Press.
9. Choi, Sh. (2013). Pritesting identity: Memories of the Kwangju Uprising and effects on identity formation of youths. Educational Perspectives, 46(1–2), 9–19.
10. 조성희. 한강의 『소년이 온다』와 홀로코스트 문학 – 고통과 치욕의 증언과 원한의 윤리를 중심으로 // 세계문학비교연구. 2018. №62. Pp. 5–28. = Cho, S. (2018). Han Kang's "Human Acts" and Holocaust literature – Focusing on testimonies of suffering and shame, and the ethics of revenge. World Comparative Literature Studies, 62, 5–28. (In Korean)
11. Em, H. (2021). Conferring eloquence: Suicide and martyrdom in Korean history. Korean Journal, 61(2), 313–336.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ситникова Дарья Витальевна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы
преподаватель кафедры восточных языков
Московского государственного лингвистического университета

Соболева Надежда Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sitnikova Daria Vitalievna

PhD student at the Department of Russian and Foreign Literature
Lecturer at the Department of Oriental Languages
Moscow State Linguistic University

Soboleva Nadezhda Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Russian and World Literature, Moscow State Linguistic University
Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Moscow State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication